

Н.А. Магомедов,
Д.А. Тавакелов

ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В НАЧАЛЕ XVII в.

Исследуемая нами проблема внешнеполитического положения Восточного Кавказа в начале XVII в. привлекала внимание многих ученых как важнейший аспект политического статуса Кавказа. Здесь необходимо отметить работы Н.А. Смирнова, Е.Н. Кушевой, В.Г. Гаджиева, Я.З. Ахмадова и др. (*Смирнов Н.А.*, 1958; *Кушева Е.Н.*, 1963; *Гаджиев В.Г.*, 1965; *Ахмадов Я.З.*, 1988).

Тем не менее вопрос о роли Восточного Кавказа во взаимоотношениях России с Ираном в указанный период не стал объектом специального изучения и не получил должного освещения в кавказоведении. В настоящей работе предпринята попытка раскрыть место и роль Восточного Кавказа в стратегических планах России и Ирана, методы и средства их реализации, показать влияние освободительной борьбы народов региона на их внешнеполитическую ориентацию.

Значительную угрозу политической независимости народов Восточного Кавказа в XVII в. представляла агрессивная политика шахов Ирана. Завоевав весь Кавказ, они хотели превратить его в свой плацдарм, в перспективе планируя создание огромного государства под эгидой Сефевидов от границ Индии и до Крыма включительно (*Новосельский А.А.*, 1948. С. 88; *Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 158 – 159; *История Дагестана с древнейших времен до наших дней*, 2004. С. 388).

В начале XVII в., воспользовавшись ослаблением позиции Турции в Азербайджане и Дагестане, шах Аббас I начал наступление на Восточный Кавказ. К 1606 г. его войска заняли Карабах и Грузию. В дальнейшем войска шаха должны были двигаться в сторону Ширвана и Дагестана (*Рахмани А.А.*, 1960. С. 110; *Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 44).

Расположившись в Карабахе, шах Аббас I отправил в Шемаху своего приближенного Магомед-бека и предложил «бывшим в цитадели Ахмед-паше и другим лицам турецкого гарнизона очистить ее и вернуться в Турцию. Но те ответили, что теперь зима, идти не могут, и пусть им дадут три-четыре месяца отсрочки. Между тем, Магомед-бек тайком разузнал от жителей Шемахи, что турки думают отправиться в Дербент, а не возвращаться в Турцию, что они надеются на помощь дагестанцев, что также из Константинополя туда недавно прибыл эмиссар по имени Шамсуддин-паша, который дал знать, что им на помощь скоро придет из Константинополя несколько тысяч янычарского войска по крымской дороге через Дагестан, что, кроме того, от крымского правителя Гази-Гирей-хана придет крымский отряд, а также придет войско из Эрзерума. Магомед-бек отправился к Шах-Аббасу и передал ему эти известия» (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 113 – 114). «Вследствие этого донесения шах двинулся к Джаваду (деревня вблизи впадения Аракса в Куру). Переправившись с некоторыми затруднениями на другую сторону, шах пошел налегке на Шемаху. Оставленный им обоз в течение десятидневной переправы потерял много подвод от сильной стужи и холода» (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 114).

Осада Шемахи, начатая 9 января 1607 г., продолжалась несколько месяцев. Несмотря на то, что остро недоставало продовольствия и фураж вовсе отсутство-

вал, шах упорно стремился взять город. После разрушения части крепостных стен шахские войска ворвались в него. Они перебили свыше 2-х тысяч турецких воинов, захватили огромные трофеи и богатства, часть которых была «роздана в награду тем ширванцам, которые во время этой войны оказали услугу и преданность персам». Правителем Ширвана шах Аббас I назначил Зульфугар-хана Караманлы. Между тем шах обложил его жителей военным налогом, исчислявшимся 50-ю тысячами туманов, что представляло тогда огромную сумму. Однако, несмотря на это, как отмечает И.П. Петрушевский, «шахские финансовые чиновники больше 30 тысяч туманов не могли собрать. Некоторые представители ширванской знати, державшие сторону османов, были казнены. Большинство из ширванцев было принято на шахскую службу ...» (*Петрушевский И.П.*, 1949. С. 279).

В то время, когда шах Аббас I осаждал Шемаху, в Баку, в котором османский гарнизон состоял из 300 человек, горожане замыслили заговор. Так как об этом стало известно бакинскому коменданту, заговорщики с целью предупредить возможные его действия «напали на него неожиданно и захватили». Остальные турецкие воины также были захвачены и перебиты. «Пленных и головы убитых, – отмечает Г.-Э. Алкадари, – они (бакинцы. – Авт.) отправили в Шемаху к Шах-Аббасу и выразили ему верность, вследствие чего шах предоставил им в добычу все имущество, оставшееся в бакинской цитадели от турок» (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 45).

Восстание против турецких гарнизонов в Шемахе, Баку и других местностях было следствием жестокой политики турецких властей на Восточном Кавказе, проводившейся с целью упрочения здесь своих позиций после подавления ряда восстаний в конце XVI – начале XVII в. Оно стало ярким показателем нежелания местного населения находиться под тяжелым османским гнетом, их стремлением к независимости.

В том же 1606 г. жители Дербента, подражая бакинцам, осадили турецкий гарнизон в дербентской крепости и, сообщив об этом уцмию Рустам-хану, сыну Хан-Магомеда, призвали его к себе (*Козубский Е.И.*, 1906. С. 58). Уцмий Рустам-хан, «прибыв в Дербент приблизительно с тремя сотнями кайтагской конницы, выявил в этом отношении свою солидарность с горским (городским) обществом, осадил находившийся в цитадели турецкий гарнизон в шестьдесят – семьдесят человек и для доклада шаху Аббасу о покорности послал к нему несколько лиц из своих людей».

Турецкий комендант в Дербенте Гасан-паша понял невозможность сопротивления объединенным силам дербентцев и кайтагцев, а также подошедшему им на помощь шахскому отряду. Поэтому он, капитулировав, перешел на службу к шаху. После этого «дербентцы также послали дербентца Хаджи-Магомед-оглы и некоторых других лиц. За это шах в виде милости и воздаяния прислал уцмию Рустам-хану приличествующие подарки, тем самым возвеличил и почтил его. Точно также он одарил и почтил поверенных Дербентского общества и велел, чтобы общество в воздаяние за эту службу было освобождено от разных податей и судебных пошлин» (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 46).

Для привлечения на свою сторону феодальных владетелей Дагестана шах стал поощрять их различными пожалованиями и грамотами. Правящей дербентской верхушке было пожаловано право на получение доходов. За помощь в борьбе против турок уцмию Рустам-хану шах дал грамоту на управление Дербентом, чего он добивался еще до прихода войск шаха в Дагестан (*Рахмани А.А.*, 1960. С. 110; *Магомедов Р.М.*, 1999. С. 234). Были поощрены также братья уцмия Рустам-

хана, шамхал Казикумухский, аварский хан, акушинский кадий, Алибек Цахурский и майсум Табасарана, выразившие покорность шаху после занятия Дербента, прибыв в его ставку в Шемахе или прислав своих представителей. Они получили от шаха драгоценности, дорогие халаты и украшения, подарки, а также грамоты (История Дагестана с древнейших времен до наших дней, 2004. С. 382).

Тем самым, урегулировав отношения с владельцами Дагестана, шах Аббас I «обеспечил безопасность северных границ Ширвана», т.е. северных границ своих владений, после чего он демонстративно ушел в Исфаган, (История Азербайджана, 1958. С. 256), чтобы «успокоить заволновавшихся дагестанских владельцев якобы незаинтересованностью в дагестанских делах» (Умаханов М.-С. К., 1973. С. 145).

Кроме того, этим маневром шах Аббас I рассчитывал нейтрализовать недовольство России, которой было обещано передать Южный Дагестан вместе с Дербентом за антитурецкий союз.

В это время Россия, занятая борьбой с польско-шведской интервенцией, не могла вести активную политику на Кавказе. Это было на руку шаху Аббасу I и дало ему возможность особо не скрывать своих намерений в отношении Дербента, в котором численность его войск, а также шахских чиновников и колонистов непрерывно возрастала. Одержав одну победу за другой, шах Аббас I больше не хотел слышать о правах России на Восточном Кавказе, «забыл» о своем обещании уступить ей Баку и Дербент (Галоян Г.А., 1976. С. 46).

Стремясь превратить Дербент в стратегический оплот в борьбе за господство над остальной частью Дагестана, а позднее и над Северным Кавказом, шахские военачальники развернули работы по укреплению Дербента, возведя две поперечные стены, разделили город на три части, каждая из которых имела свою оборонительную систему (Петрушевский И.П., 1949. С. 290).

В то же время это позволяло шахским военачальникам «держатъ город в повиновении» (Бакиханов А.-К., 1991. С. 94). Удлинены были стены в сторону моря, а на берегу была встроена башня (Котов Ф., 1958. С. 35). В скором времени в Дербент было переселено «400 семейств баятского племени», которые должны были стать опорой шаха (Козубский Е.И., 1906. С. 59). Шах стал заселять выходцами из иранских провинций – баятами и падарами не только Дербент, но и пограничные с Дагестаном районы Ширвана, которые должны были, как об этом говорится в «Истории Азербайджана», отражать «лезгинские набеги» (История Азербайджана, 1958. С. 266). Однако на самом деле они должны были обеспечить господство правителя Ирана в Северном Азербайджане и в Дагестане.

Кроме всего перечисленного, были проведены в Дербенте и административные реформы, которые привели к насаждению в городе персидских порядков (Козубский Е.И., 1906. С. 59). Это постепенно породило оппозиционные настроения у местного населения, стало вызывать его недовольство, которое возрастало по мере ужесточения действий шахских чиновников и военачальников к местному населению по мере упрочения их позиций в Дербенте и прилегающих к нему районах. Видя растущее недовольство дербентцев, шахские чиновники под предлогом борьбы с суннизмом изгоняли местных жителей из города (Петрушевский И.П., 1949. С. 280).

Все эти действия шаха Аббаса I вызывали недовольство владельцев Дагестана. Однако, видя в нем борца против турок, один за другим дагестанские владельцы выразили ему покорность. По сведениям А.-К. Бакиханова, табасаранский правитель Майсум-хан «возвратился тайно в Табасаран». А.-К. Бакиханов объясняет

такой поступок Майсум-хана «строптивостью его характера, свойственной горцам» (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 116), на самом деле это нельзя принимать за исчерпывающее объяснение, отмечает М.-С. К. Умаханов (*Умаханов М.-С. К.*, 1973. С. 148 – 149).

Можно предположить, что табасаранский правитель первым из дагестанских правителей понял серьезность создавшейся ситуации, а может быть, даже он услышал о планах шаха отобрать у него «Шабранский магал Кубинского уезда», которым табасаранцы «овладели во время правления турок» (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 47).

А.Р. Шихсаидов отмечает, что табасаранский правитель тем самым хотел вести самостоятельную политику (*Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.*, 1964. С. 113). Однако шах Аббас I не выразил открытого недовольства таким поступком правителя Табасарана. Более того, через ширванского везира Мухаммед Салех-бека он отправил Майсум-хану «почетную одежду и прочие награды». В ответ на это табасаранский правитель, «изъявляя свою благодарность, прислал в гарем шаха девушку – одну из своих ближайших родственниц» (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 118).

Как показали дальнейшие события, эти взаимные любезности не предотвратили обострения отношений между ними. Инициатива этих обострений исходила со стороны шаха, проводившего захватническую политику в отношении всего Кавказа, не ограничиваясь оккупацией Дербента, а в перспективе намечавшего покорить весь Кавказ.

Зная это, многие дагестанские владетели: аварский хан, эндирейский владетель Султан-мут, шамхал Казикумухский и руководители союзов сельских общин не присягнули шаху. Естественно, они не были довольны вторжением персидских войск в Южный Дагестан. Поэтому столкновения шахских войск с народами Дагестана были неизбежны.

Первое вооруженное столкновение горцев с иранскими войсками произошло в 1607 – 1608 гг. Поводом к вооруженному конфликту послужила попытка военачальника – ставленника шаха в Шемахе Зульфугар-хана построить крепость и поселить там иранский гарнизон на небольшой территории Шабрана, занятой табасаранцами еще в период господства в этих местах турок, примирившихся с этим и не желавших обострять отношения с Табасараном (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 49).

Табасаранцы, владея данной территорией, затрудняли шахским войскам сообщение «между Дербентом и Шабраном» (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 118). Поэтому, согласно сведениям А.-К. Бакиханова, Зульфугар-хан прибыл с отрядом войск на спорную территорию и потребовал ухода отсюда табасаранцев. Майсум-хан табасаранский отказался сделать это. Попытки Зульфугар-хана уговорить Майсум-хана не имели успеха. Когда же Зульфугар-хан разработал план крепости и начал строительные работы, правитель Табасарана прибыл с войском, чтобы помешать ее строительству (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 118).

Народы Дагестана не остались безучастными к табасаранскому инциденту, который вызвал у всех у них серьезную тревогу и возмущение. С целью разрядить обстановку и успокоить дагестанцев Аббас I приказал Зульфугар-хану помириться с правителем Табасарана. После этого Зульфугар-хан отправил к табасаранскому Майсум-хану «опытного человека», который сумел в какой-то мере успокоить его, «однако надменность Зульфугар-хана и его желание распространить повсюду свое влияние, как это было отмечено А.-К. Бакихановым, все более и более вооружали горцев, которые опасались потерять свою независимость» (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 118 – 119).

Обе стороны упорствовали, и в конечном итоге произошло сражение, в результате которого табасаранцы были разбиты и потеряли убитыми до 1000 человек (Бакиханов А.-К., 1991. С. 118).

Возведение крепости Зульфугар-ханом и поражение под Шабраном не остановили табасаранцев от борьбы против шахских войск. Убийство тысячи табасаранцев еще более усилило ненависть не только последних, но и всех дагестанцев к иранским захватчикам (Алкадари Г.-Э., 1994. С. 48).

Имеющиеся данные позволяют предположить, что столкновение табасаранцев с шахскими войсками под Шабраном было не единственным, что отряды табасаранцев сражались с иранскими войсками и в 1609 – 1610 гг. (Шихсаидов А.Р., 1961. С. 147).

Дагестанцы не остались в стороне и на этот раз: в столкновении табасаранцев с шахскими войсками участвовали и другие народы Южного Дагестана, в частности лезгины кюринских обществ. Жестокая расправа с табасаранцами в этом столкновении обострила политическое положение в Дагестане, возмутила «не одних лишь табасаранцев, а, пожалуй, всех дагестанцев» (Алкадари Г.-Э., 1994. С. 50).

Она положила конец иллюзиям дагестанцев о миролюбивой политике шаха. Аббас I снова пошел на маневр, обвинив в кровавом исходе этих событий Зульфугар-хана, который якобы превысил власть, действуя вопреки воле шаха (Умаханов М.-С. К., 1973. С. 152).

С целью уладить обострившиеся отношения с Дагестаном Аббас I в срочном порядке направил под Шабран большой отряд войск во главе с Карчигай-ханом под видом оказать содействие Зульфугар-хану в наблюдении за горцами и сношениях с ними, чтобы привести последних к спокойствию. Как только Карчигай-хан освоился с обстановкой в Шабране, он вызвал к себе в палатку Зульфугар-хана и убил его, на что у Карчигай-хана имелся фирман от шаха. Маневр шаха в определенной степени удался, и в глазах владетелей Дагестана он выглядел уже более справедливым правителем (Рахмани А.А., 1960. С. 116). Вместо убитого Зульфугар-хана правителем Ширвана был назначен Юсуф-хан, после чего обрадованные «правосудием шаха» дагестанские владетели отправили к шаху Аббасу I своих сыновей и родственников, чтобы выразить ему благодарность, вследствие чего, как отмечает А.-К. Бакиханов, «прекратились все беспорядки» (Бакиханов А.-К., 1991. С. 119).

Однако шах Аббас I не собирался ограничиваться достигнутыми успехами в Южном Дагестане и начал организовывать завоевательные походы в его горные районы, что, естественно, не могло не вызывать сопротивление у дагестанских горцев. Первыми почувствовали на себе гнев шаха жители Акуша-Дарго. В результате сражения шахские войска были разбиты (Алиев Б.Г., 1970. С. 72; 2002. С. 234).

Разгневанный таким исходом карательной экспедиции, шах Аббас I в 1612 г. послал новое войско против даргинцев. В битве около с. Усиша войска Акуша-Дарго были разбиты, они потеряли 4400 человек убитыми (Челеби Э. Л. 72).

В 1614 – 1615 гг., согласно записи в арабской рукописи из с. Хурик Табасаранского района, произошло кровопролитное сражение табасаранцев и кайтагцев с шахскими войсками, которые, не добившись их покорности, вынуждены были уйти ни с чем (Умаханов М.-С. К., 1973. С. 154; Гасанов М.Р., 1994. С. 133).

Как видно из другой записи, шах Аббас I снова послал на непокорные Табасаран и Кайтаг войска, которые жестоко расправились с местными жителями за неудачи предыдущих лет. М.Р. Гасанов, сообщая об этом походе шахских войск,

пишет: «В местной рукописи говорится о сражении, когда кизылбаши день за днем захватывали аул за аулом Табасарана и Кайтага и победили и, перебив многих, кизылбаши ушли. Дата 1024 г. соответствует 1615 – 1616 гг.» (*Гасанов М.Р.*, 1994. С. 133).

Примерно в это же время были посланы карательные отряды шаха и в другие районы Южного Дагестана. Об этом свидетельствует сообщение турецкого путешественника середины XVII в. Э. Челеби. «Между иранским шахом и правителем Дагестана, – отмечает он, – велись ожесточенные бои, в результате которых многие селения были разрушены» (*Челеби Э.* Л. 90). Однако какие именно это были селения, установить из-за скудости источников не представляется возможным.

В сложившихся условиях владетели Дагестана стали искать себе союзника в борьбе против Ирана. Рассчитывать на помощь извне в создавшейся сложной политической обстановке на Северо-Восточном Кавказе в то время владетели Дагестана могли только со стороны Турции или России, цели внешней политики которых столкнулись в Дагестане с интересами сефевидского Ирана.

Однако Турция, считавшая себя покровителем стран, населенных мусульманами суннитского толка, каковыми являлись и дагестанцы, в начале XVII в. терпела поражения на Восточном Кавказе от шахских войск и вынуждена была уступить первенство в регионе шаху Ирана. Кроме того, из-за ее отдаленности от Дагестана в тогдашних условиях она практически не могла оказать владетелям Дагестана действенную помощь в борьбе с шахской агрессией. Сдерживало владетелей Дагестана от обращения за помощью к Турции и то, что они знали о стремлении ее правителей восстановить над Дагестаном свое политическое господство, которому был положен конец недавно, в самом начале XVII в. (*Умаханов М.-С. К.*, 1976. С. 46).

В создавшейся обстановке единственную возможность получить помощь извне владетели Дагестана видели только со стороны России, владения которой уже в конце XVI в. вплотную подступили к границам Дагестана и с которой уже давно были налажены торгово-экономические и дипломатические контакты.

Несмотря на сложившееся в начале XVII в. тяжелое внутриполитическое положение Российского государства, в 1610 г. «в самый разгар московской смуты» на верность России присягнули тарковские владельцы Гирей и Ильдар Сурхаевы, а также бывшие с ними «в одиночестве», т.е. в союзе, 7 князей и мурз. Обещая служить царю, они просили его о помощи от «недругов» (*Умаханов М.-С. К.*, 1976. С. 47).

Между тем в итоге войны султанская Турция, потерпев поражение, вынуждена была вернуть Ирану все завоеванные земли (1612 г. Стамбульский мирный договор). После Стамбульского договора шах Аббас I начал активную политику в отношении Восточного Кавказа. Он лично отправился в Ширван и временно даже обосновался в Шемахе. Видимо, отсюда он направил гонцов к правителям Дагестана с требованием покорности.

Следует отметить, что положение слабых феодальных правителей в этот период было крайне трудным. С одной стороны, они чувствовали давление Российского государства, с другой – сефевидского Ирана. Большинство феодальных правителей Дагестана, будучи не в состоянии отстаивать свою независимость, умело лавировали между Россией и Ираном и часто ради своей безопасности присягали на верность обоим государствам. Весьма образно описывает их положение И. Попко. Так, он сообщает, что у одного дагестанского феодала – шамхала была

печать наподобие «... двухсоставного кубка, воспетого в «Илиаде» Гомэра: из одной половины возлили богам, а из другой пили за собственное здоровье; так и на шамхаловой печати – на одной стороне была надпись, обозначающая персидское подданство, а на другой – московское, и он прикладывал ее к своим бумагам той или другой стороной, смотря по тому куда писал, в Шемаху или в Астрахань» (Попко И., 1880. С. 71).

Что касается России, то она в это время, находясь в войне с Польшей и Швецией на западе и с Крымом на юге, отнюдь не желала обострять отношения с сефевидским Ираном. Восстановление разоренного в результате польско-шведской интервенции хозяйства требовало больших материальных затрат. В этой связи характер переговоров между Ираном и Россией принял новый оборот. Иран предлагал России материальную помощь, взамен чего просил построить на реке Койсу крепость, которая могла бы преградить путь войскам крымского хана в Дагестан. Для Ирана это было необходимо в связи с новым наступлением султанской Турции (весной 1615 и 1618 гг.) и его вассала – крымского хана.

Царское правительство, прежде всего заинтересованное в расширении связей с Прикаспийскими областями, удовлетворило просьбу шаха. Выдвинутые Московским государством передовые военные посты на реках Сунже и Койсу дали возможность русским воеводам контролировать северокавказский путь, ведущий через Дагестан и Азербайджан в Иран. Однако, как показали дальнейшие события, как только укрепилось и набрало мощь само Сефевидское государство, а позиции султанской Турции были значительно ослаблены в этом регионе, Сефевиды не захотели иметь каких-либо конкурентов в Закавказье и Дагестане.

Оправившись после шведско-польской интервенции, Россия стала вести более активную политику на Кавказе (Смирнов Н.А., 1958. С. 48). Политика России, направленная на укрепление и расширение связей с народами Кавказа, встретила сочувствие со стороны Дагестана. Как только был объявлен поход иранских войск с целью кумыкскую землю «соединачити с Шемахою и Дербенью» (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, 1898. С. 4.), большинство владетелей Дагестана выразило готовность принять присягу на верность российскому царю, чтобы заручиться его поддержкой.

Присягу на верность российскому правительству они подкрепили тем, что отправили аманатов (заложников) в Терский городок, являвшийся форпостом царской политики и военно-административным центром царизма на Северном Кавказе в первой половине XVII в.

Российское государство, потерпев в начале XVII в. неудачу военным путем усилить свое влияние на Дагестан (Соловьев С.М., 1960. С. 374), вынуждено было изменить тактику и стать на путь привлечения владетелей Дагестана на свою сторону путем предоставления им различного рода торгово-экономических привилегий. Принятие же присяги владетелями Дагестана на верность России в 1614 – 1615 гг. являлось свидетельством первых результатов этой политики. В то же время это не только значительно усиливало политические позиции России в Северокавказском регионе, в частности в Дагестане, но и упрочивало юго-восточные границы Российского государства, гарантировало безопасность городу Астрахани, на который претендовали тогда Крым и Турция. Это давало России возможность бороться и за установление своего контроля над торговлей и по Волжско-Каспийскому пути, который стал играть важную роль в мировой торговле в XVII

в., особенно в вывозе дешевого шелка из Сефевидского государства в Россию и через нее в западноевропейские страны.

Царское правительство понимало также, что овладение иранскими войсками Восточным Кавказом не только ослабит позиции России в регионе, но и лишит ее практически перспективы овладения Кавказом в дальнейшем, к чему она стремилась с конца XVI в. Именно эти обстоятельства и учитывало царское правительство, оказывая помощь и покровительство народам Дагестана в их борьбе против иранских завоевателей, добиваясь от иранских правителей отмены ряда намечавшихся походов на Дагестан. Так, в 1614 г. послу шаха Аббаса I Хозе Муртозе в Москве было от имени царя заявлено, что шаху Аббасу I в сторону Дагестана «... войною людей посылать не пригоже ж» (Памятники дипломатических и торговых сношений..., 1898. С. 33). С целью же предотвращения намеченного на 1615 г. похода на Дагестан и в другие районы Северного Кавказа к шаху Аббасу I был отправлен из Москвы посол Григорий Шахматов (*Кушева Е.Н.*, 1963. С. 307). В 1616 г. с такими же целями к шаху были посланы Ф. Леонтьев и Б. Тимофеев.

Тем временем в Закавказье создалась неблагоприятная обстановка для Сефевидов. В 1615 г. восстали против иранцев грузины, на подавление которых шах двинул 15 тыс. воинов. Столько же было двинуто на подавление восставших ширванцев, недовольных намерением шаха Аббаса I переселить последних во внутренние районы Ирана. Переселению подвергались те из «людей Ширвана ...», которые добровольно избрали для себя службу румийцам (османам. – Авт.) или, соединившись с румийцами, стали обладателями должностей у них, ибо все они не заслуживают доверия и пребывание их в тех пределах для победоносной державы (Сефевидской) не полезно» (*Петрушевский И.П.*, 1949. С. 280).

Ширванцев возглавил один из бывших военачальников шахской армии Дели Мелик, который договорился с царем Кахетии Теймуразом о совместных действиях. Восстание принимало все более широкий размах. Объединенное войско освободило ряд городов. Однако в конце концов шаху Аббасу I удалось подавить это восстание, жестоко наказав его зачинщиков и участников (*Сванидзе М.Х.*, 1988. С. 190).

Значительное количество иранских войск было занято и подавлением начавшегося в 1616 г. антииранского восстания в Карабахе (*Новосельцев А.П.*, 1969. С. 126 – 128). Неоднократные выступления народных масс против политики Сефевидов в это время имели место и в Южном Дагестане (См.: *Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 153 – 154; *История Дагестана с древнейших времен до наших дней*, 2004. С. 391 – 192; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К.*, 2005. С. 7 – 8).

Кроме того, шаху Аббасу I стало известно об интенсивной подготовке Турции к возобновлению войны против Ирана, чтобы добиться отмены условий Стамбульского мирного договора 1612 г., согласно которому султанская Турция признала господство Ирана на Восточном Кавказе.

В этих нелегких условиях шах Аббас I не мог отказать русскому царю, он вынужден был уступить его требованию и отменить намеченный на Дагестан поход. Безусловно, на такую уступку шаха вынудил отпор, полученный его войсками от горцев Дагестана, а также их решительное заявление, что «им шах-Басу (шаху Аббасу I. – Авт.) не бивати челом и ему не служивати, стояти против него... головами своими и в землю его не пустити» (Памятники дипломатических и торговых сношений..., 1892. С. 292). В конечном итоге шах Аббас I вынужден был только ограничиться одними угрозами послать «Исуп-хана со своею ратью» про-

тив горцев, въехать к ним в «середку» и «ловить» их, «что куров» (Памятники дипломатических и торговых сношений..., 1892. С. 292, 348).

Для того чтобы понять значение роли России в отмене запланированного шахом похода на Дагестан, следует сказать, что шах Аббас I имел в эти годы план кругового охвата и покорения Кавказа. По этому плану иранские войска из Грузии должны были проникнуть в Кабарду и Осетию, а оттуда пройти в Дагестан (Кушева Е.Н., 1954. С. 20).

Одновременно намечалось послать войска из Южного Дагестана. Слухи об этих планах шаха, отмечает Е.Н. Кушева, вызвали у горцев «великий страх», и «... все (они) ждали из Москвы» помощи (Кушева Е.Н., 1963. С. 307).

Отмену шахом Аббасом I похода на Дагестан в эти годы нужно расценивать как успех русской дипломатии. Россия взяла под свою защиту Дагестан, когда шах Аббас I готов был вторгнуться в Страну гор, и преградила крымско-татарским войскам путь в Дагестан. Можно себе представить, что было бы с Дагестаном, какие бедствия и разорение пришлось бы претерпеть его народам, сколько оказалось бы убитых и угнанных в неволю горцев, если бы Россия не предотвратила походы полчищ шаха Аббаса I и крымско-татарских войск.

Иначе говоря, в эти тяжелые для Дагестана годы Россия оказала его народам неоценимую помощь. Все это способствовало подъему престижа России в глазах владетелей Дагестана, создавало более благоприятные условия для дальнейшего развития российско-дагестанских отношений. Дагестанские феодальные владельцы и правители стали проявлять большую инициативу в расширении торгово-экономических контактов с Россией, стремились заручиться ее помощью.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алиев Б.Г., 1970. Памятники арабской письменности XVII – XVIII вв. по истории Верхней Даргинии // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 20. Махачкала.

Алиев Б.Г., 2002. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей (Источники, предания, легенды, героико-исторические песни). Махачкала.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К., 2005. Политика Сефевидов в Дагестане (сер. XV – первая четверть XVII в.) // Вестник ИИАЭ. № 4. Махачкала.

Алкадари Г.-Э., 1994. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала.

Ахмадов Я.З., 1988. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI – XVII вв. Грозный.

Бакиханов А.-К., 1991. Гюлистан-и Ирам. Баку.

Гаджиев В.Г., 1965. Роль России в истории Дагестана. М.

Галоян Г.А., 1976. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.

Гасанов М.Р., 1994. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

История Азербайджана, 1958. Т. 1. Баку.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней, 2004. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.

Козубский Е.И., 1906. История города Дербента. Темир-Хан-Шура.

Котов Ф., 1958. Хождение купца Федота Котова в Персию. М.

Кушева Е.Н., 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М.

Магомедов Р.М., 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 1. Махачкала.

Материалы к истории Табасарана, 1975. // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала.

Новосельский А.А., 1948. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л.

Новосельцев А.П., 1969. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI – XVII веках // Вопросы истории. № 9.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, 1890; 1892; 1898. Т. 1 – 3. СПб.

Петрушевский И.П., 1949. Азербайджан в XVI – XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку.

Попко И., 1880. Терские казаки со стародавних времен. СПб.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р., 1964. Очерки истории Южного Дагестана.

Рахмани А.А., 1960. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку.

Сванидзе М.Х., 1988. Турецко-иранские отношения в 1613 – 1619 гг. и Грузия // Османская империя: система государственного управления, социальные и этно-религиозные проблемы. М.

Смирнов Н.А., 1958. Политика России на Кавказе в XVI – XIX вв. М.

Соловьев С.М., 1960. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 8. М.

Умаханов М.-С.К., 1973. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала.

Умаханов М.-С.К., 1976. Отношение России к борьбе народов Дагестана с иранской агрессией в XVII в. // Из истории дореволюционного Дагестана (Сборник научных трудов). Махачкала.

Челеби Э. Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби» // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37.

Шихсаидов А.Р., 1961. Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 9. Махачкала.